

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет

Кафедра мировой литературы и методики её преподавания

Полякова Анастасия Андреевна
ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Мифологема «строительной жертвы» в романах Д.Быкова «Оправдание» и
«ЖД»: семантика, функции, контекст (литературоведческий и методический
аспекты)

Направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование

Направленность (профиль) образовательной программы Русский язык и
литература

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ
Зав. кафедрой мировой литературы и
методики её преподавания, доцент, к.ф.н. Липягова С. Г.
17.05.2017
(дата, подпись)

Руководитель
старший преподаватель кафедры мировой литературы и
методики её преподавания, к.ф.н. Горбенко А.Ю.

(дата, подпись)

Дата защиты 20. 06. 2017

Обучающийся
Полякова А.А.

(дата, подпись)

Оценка _____ (прописью)

Красноярск 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. «Строительная жертва»: ритуально-мифологический и историко-литературный аспекты	8
1.1. «Строительная жертва»: ритуально-мифологический аспект.....	8
1.2. Мифологема «строительной жертвы» в русской литературе XIX–XXI вв.....	12
Глава 2. Историософия «Большого террора» в романе «Оправдание ...	18
2.1. Социально-политические взгляды и историософская позиция Д. Быкова.....	18
2.2. Историк как (ре)конструктор прошлого: образ К. Рогова.....	22
Глава 3. Мифологема «строительной жертвы» в структуре романа «ЖД»	29
3.1. Персонажная система романа: варяги vs. хазары.....	29
3.2. Экспликация мифологемы «строительной жертвы».....	34
Заключение	42
Список использованных источников и литературы	45
Приложение № 1. Урок. Мифологема «строительной жертвы» в романах Д. Быкова «Оправдание» и «ЖД».....	50

Введение

В литературоведении проблема взаимодействия мифа и литературы не теряет своей актуальности. Исследования мифа, принадлежащие зарубежным (К.-Г. Юнг, Н. Фрай, М. Элиаде, Р. Барт) и отечественным (А. Потебня, Е. Мелетинский, Ю. Лотман, А. Лосев и др.) ученым в XX веке лишь усиливают интерес к мифологическому анализу художественного текста, поскольку художественная литература наполнена разнообразными мифологемами¹.

Если раньше история развития цивилизации двигалась в направлении «демифологизации», то в XX веке мы наблюдаем «ремифологизацию». Это связано с тем, что мифология стала удобным языком описания модели личности и общественного поведения.

Писавшие о проблеме взаимодействия литературы и мифа Ю.М.Лотман, З.Г. Минц и Е.М. Мелетинский в статье «Литература и мифы» отмечают, что «авторы обращаются к ритуалу и мифу не как к вечным моделям искусства, а как к первой лаборатории поэтической образности» [Лотман, Мелетинский, Минц 1980: 220].

Многие исследователи отмечают в качестве одной из ключевых черт неклассической поэтики (модернизм, авангард и их модификации) неомифологизм, проявляющийся, в частности, в актуализации в текстах литературы XX века различных архетипических элементов и универсалий. Одной из таких универсалий является мифологема «строительной жертвы».

Изначально «строительная жертва» появляется как ритуал и фиксируется этнографами у народов всего мира. По словам Д. К. Зеленина, существует множество преданий о людях «замурованных в фундаментах или

¹ Сколько-нибудь полная библиография этого вопроса не представляется возможной в силу необъятности темы. См., например, столь разные работы, как: [Кассирер 2002; Леви-Брюль 2002; Элиаде 1994; Мосс, Юбер 2000; Юнг 1991].

стенах разных построек <...>. Функция строительной жертвы состояла в обеспечении прочности и долговечности определенной постройки.

По словам Е. Крикливец, в современной русской и белорусской традиционалистской прозе происходит активизация мифопоэтических архетипов, наблюдается синтез элементов романтической, модернистской и постмодернистской эстетики.

При этом произведения затрагивают темы современности и «дозировка» мифологических элементов в них может быть разной: от присутствия в тексте отдельных мифологем до активного использования цитат, реминисценций, аллюзий», причем «данные элементы, несомненно, используются писателями с установкой на их опознание читателем и содержат «код» художественного сообщения [Крикливец 2016: 267].

Мифологема «строительной жертвы» наиболее отчетливо актуализируется в русской литературе XIX–XX вв. Различные варианты реализации этой мифологемы обнаруживаются в творчестве столь разных авторов, как Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский, А. П. Платонов. В современной русской литературе эта мифологема ярче всего реализуется, как нам представляется, в творчестве Д. Быкова.

Д. Быков родился в 1967 году в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ. Писатель, публицист, литературный критик, общественный деятель, поэт. В настоящее время является автором еженедельника «Собеседник». В 2001 году вышел его первый роман «Оправдание», который можно отнести к жанру альтернативной истории. Главной отличительной особенностью прозы Быкова можно считать стремление автора к моделированию альтернативной реальности, что можно увидеть во многих его произведениях (прежде всего, в романах «Эвакуатор» (2005), «ЖД» (2006). Д. Быков входит в число наиболее известных современных литераторов, принадлежа к тем немногим творческим личностям, которых массовая аудитория узнает «в лицо». Быков является автором 9 романов, нескольких биографий в серии «Жизнь замечательных

людей», множества рассказов, стихотворений, публицистических и критических статей.

Быков – один из самых востребованных интеллектуалов современной России, успевающий создавать масштабные романы, печатать газетные статьи, выступать на телевидении, оценивать произведения других авторов и даже, писать объемные биографии (биография Пастернака в серии «Жизнь замечательных людей»). Стремление к острой актуальности в текстах Быкова соединяется с особым вниманием к публицистическому вектору повествования. В центре внимания писателя находится отечественная история. Прибегая к метафоре, можно сказать, что именно история и является главным действующим лицом романов Быкова. «Оправдание» (2010) – первый роман автора, открывающий трилогию (два других романа – «Орфография» (2003) и «Остромов, или Ученик чародея» (2010)).

В данной работе мы рассматриваем мифологему «строительной жертвы» в романах Д. Быкова «Оправдание» и «ЖД», выявляя социокультурный контекст, в котором написаны романы; семантику и функции мифологемы в его художественной структуре. При всем внимании современной филологической науки к мифопоэтике, эта тема ранее не привлекала внимания исследователей, что обуславливает ее научную новизну и теоретическую значимость.

Целью работы является комплексное изучение репрезентаций мифологемы «строительной жертвы» на разных уровнях поэтики романов Д. Быкова «Оправдание» и «ЖД».

Поставленная цель предполагает следующие **задачи**.

1. Определить границы понимания термина «строительная жертва».
2. Описать семантику и функции мифологемы «строительной жертвы» в системе поэтики романа «Оправдание».

3. На материале романа «ЖД» проанализировать эволюцию историософских взглядов Дмитрия Быкова и динамику мифологемы «строительной жертвы».

4. Исследовать место романов Быкова в социокультурном контексте русской литературы и – шире – истории идей конца XX – начала XXI вв.

Актуальность выбранной темы заключается в том, что современный литературный ландшафт свидетельствует о том, что литературный мейнстрим (или «магический историзм», в терминологии А. М. Эткинда), как тип художественной литературы стал универсальным социокультурным пространством для ассимиляции и распространения разнообразных идей, он рефлексировал над важнейшими аспектами современной жизни, формируя определенный контекст ценностей.

Современные писатели всё чаще обращаются к мифологическим архетипам, благодаря этому читатели могут более полно понять смысл произведения, а также уловить его идею. Поэтому представляется обязательным выявление яркого представителя российской литературы последнего времени Д. Быкова и анализ его произведений «Оправдание» и «ЖД».

Материал работы составляют романы «Оправдание» и «ЖД», эссе, публицистические статьи и интервью Д. Быкова.

Объектом исследования является романы Д. Быкова «Оправдание» и «ЖД».

Предметом исследования выступают механизмы актуализации «строительной жертвы» в романах Д. Быкова «Оправдание» и «ЖД».

В ходе исследования применялись следующие **методы**: историко-филологический, сравнительно-сопоставительный.

Теоретико-методологический фундамент работы составляют исследования по мифопоэтике отечественной литературы (Е. М.

Мелетинский, И. П. Смирнов, В. Е. Ветловская, Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, Х. Гюнтер).

Работая с мифологемой «строительной жертвы», мы обратились к этнографическим исследованиям (А. К. Байбурина, Д. К. Зеленина). Работы, посвященные творчеству Д. Быкова (М. Липовецкий, А. Эткинд, Н. Елисеев, А. Урицкий).

Привлечение к исследованию романов «Оправдание» и «ЖД» Д. Быкова обусловило интерес к критическим работам В. Пригодич, М. Амусин, А. Колобродов, О. Кудрин, Е. Иваницкая.

Практическая значимость. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в научно-педагогической работе при чтении курсов по современной русской литературе, а также в школьных элективных курсах по творчеству Д. Быкова.

Структура работы. Данная научно-исследовательская работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, насчитывающего 51 наименование, и приложения.

Глава 1. Мифологема «строительной жертвы»: ритуально-мифологический и историко-литературный аспекты

1.1. «Строительная жертва»: ритуально-мифологический аспект

У многих народов мира (в том числе у славян) в прошлом был распространён обычай принесения так называемой «строительной жертвы». При закладке строения требовалось принести жертву, в случае же постройки какого-либо крупного сооружения (крепости, моста и т. п.) эта жертва часто была человеческой.

Исследователи по-разному объясняют смысл традиции принесения «строительной жертвы».

Румынский историк религий Мирча Элиаде видит в ритуале принесения «строительной жертвы» символическое повторение на земном уровне акта творения Мироздания (жилище в индоевропейских (и не только) традиционных культурах уподобляется Вселенной и человеческому телу).

В самом деле, начиная с определённого уровня культуры, космогонический миф объясняет Сотворение преданием смерти какого-то Гиганта (Имир – в германской мифологии, Пуруша – в индийской, Пан-ку – в китайской): его органы служат для зарождения разных космических районов. Согласно другой группе мифов, не только Космос, но и съедобные растения, человеческие расы и даже различные общественные классы зарождаются в результате принесения в жертву Первого существа, из его плоти. Именно на этом типе космогонических мифов основываются жертвоприношения при строительстве [Элиаде 1994: 29].

Именно на этом типе космогонических мифов, по мнению исследователя, основываются жертвоприношения при строительстве.

С точки зрения русского фольклориста и этнографа Д. К. Зеленина, первоначальным (и в дальнейшем изменившимся) смыслом этого обряда было принесение искупительной жертвы духам деревьев для строительства здания [Зеленин 1991: 251].

По мнению Д.К. Зеленина, обычай принесения «строительной жертвы» имеет глубокие и древние корни [Зеленин 2004: 148]. Ученый считает, что он происходит из тех времён, когда постройки возводились преимущественно из дерева, а к деревьям в те времена было исключительное отношение как к тотемам, поэтому рубка деревьев для строительства была нарушением неприкосновенности тотемов, и деревья карали строителей или первых хозяев здания смертью. Дабы избежать этой участи, строители предупреждали месть предоставлением жертвы, ребенка, женщины, позже раба или животного, заранее. По мнению Д. К. Зеленина, что объяснение строительной жертвы, как жертвы духам земли возникло в связи с каменными постройками. Когда изымается земля для закладки фундамента, для деревянных построек фундамента обычно не сооружали, и поэтому жертва приносилась именно для заглаживания вины нарушения табу на рубку деревьев. Так поясняется связь между дошедшим до нас описанием ритуала освящения нового дома в Вавилоне, в котором необходимо изгнать из дома демона кирпичей, который пришёл на смену демону деревьев [Зеленин 2004: 167].

При понимании строительства как одного из многих других процессов, конечным итогом которых являлось установление порядка, организации, «<...> жесткое увязывание этого процесса с ритуально-мифологическими схемами, обосновывавшими и воспроизводившими идеи глобального, космического порядка, – пишет А. К. Байбурин, – не должно вызывать недоумения» [Байбурин 1983: 61]. По мнению Байбурина, «<...> отсылка к мифологическому прецеденту творения мира присутствует в том или ином виде во всех обрядах, совершавшихся при строительстве. В особенно явной форме – в ритуале жертвоприношения» [Байбурин 1983: 61].

А. К. Байбурин отмечает, что этот ритуал был связан с жертвоприношением при закладке нового дома: это видно уже из того факта, что перед тем, как совершить жертвоприношение, на месте будущего сруба

устанавливалось деревце, которое олицетворяло собой «мировое дерево». Это объясняется тем, что жертвоприношение должно было совершаться в максимально сакральном месте – «центре мира», т.е. возле «мирового дерева». Далее автор поясняет, что «мировое дерево» призвано обозначить центр – точку развертывания мира из жертвы. Деревце посреди сруба – это одновременно и центр будущего жилища, и «центр мира». Как мир в мифологическое время был «развернут» из тела жертвы, так и дом «выводится» из жертвы, т.е. жертва, является своего рода исходным сакральным материалом [Байбурин 1983:63].

Очевидно, что жертвы при постройке зданий приносятся духам для того, чтобы те не причиняли вреда обитателям и защищали строение от врагов. Жертва могла быть как животной, так и человеческой².

Человеческая жертва у древних народов считалась наиболее действенной и приносилась, как правило, в экстремальных условиях. В древнем индоевропейском ритуале жертве приношение человека, его сожжение, его расчленение связаны с представлением блага, с новой организацией Космоса, с обновлением и упорядочением мироздания.

Однако, по верованиям крестьян, человеческой смерти при постройке дома можно избежать. Для этого надо убить, т.е. принести в жертву, какое-нибудь животное и закопать его в землю. Причем в разных губерниях есть свои тонкости. Так, в Архангельской губернии убитое животное зарывают в землю и «кладут на том месте первое бревно». В Курской губернии «с этой целью, при переходе на новоселье, отрубают у курицы голову на пороге новой избы и отрубленную голову закапывают под передним углом. О других местностях ученый пишет так:

<...> Приступая к постройке дома, плотники при самых первых ударах топором назначают голову скотины или птицы, на которую закладывается здание, и верят, что такое обреченное животное непременно издохнет и падет в скором времени; пока делается

² См. об этом: [Мелетинский 1994; Токарев 1990; Формозов 1984; Шаманадзе 1964].

сруб, крестьяне боятся, как бы не оскорбить плотников, и охотно их угощают, чтобы они не заклали дома на голову хозяина или кого из домочадцев [Зеленин 1991: 511].

По представлениям славян новое жилище требует или своего духа-охранителя (по народным рассказам, «домовой охотнее всего принимает вид хозяина или одного из умерших членов семьи»), или какой-нибудь жертвы («по крайней мере, чтобы основание дома было орошено кровью петуха (курицы), ягненка или другого животного»), т.е. в любом случае необходимы жертвоприношения – или человеческие, или животные [Афанасьев 1995: 32]. Постепенно происходит трансформация обряда, на смену человеческим и животным жертвоприношениям приходят жертвоприношения в виде земледельческих культур (ячмень, пшеница, и т.д.), а также продукты животного и растительного происхождения (молоко, яйца, хлеб).

Д. К. Зеленин утверждал, что на Кавказе, в Грузии, некогда был обычай – при закладке здания, особенно же крепостных стен или башен, зарывать под фундаментом человека, чтобы обеспечить этим прочность постройки, и приводит сказание о Сурамской крепости, переданное в народной песне [Зеленин 1937: 15].

Концепту «строительная жертва» посвящена и статья венгерского ученого Л. Вардьяша, который считает, что сюжет зародился в Венгрии, откуда попал уже и в Грузию (правда, он не отрицает архаичного характера грузинского предания) [Вардьяш 1964: 178].

Д. К. Зеленин пишет также, что в книге А. А. Навроцкого «Сказания минувшего. Русские былины и предания в стихах» существует похожий сюжет, что происходила замена стен Горьковского кремля на каменные, при котором жертвой обычая стала жена местного купца Григория Лопаты. Девушка пошла за водой, огибая городскую стену более коротким путём. Увидела яму, возле неё были строители, которые исполнили ритуал:

Пусть погибнет она за весь город одна,
Мы в молитвах ее не забудем;

Лучше гибнуть одной, да за крепкой стеной
От врагов безопасны мы будем! [цит. по: Зеленин 2004: 154]

Впоследствии обычай «строительной жертвы» трансформировался, об этом пишет Д. К. Зеленин:

У русских также существовало прежде поверье о том, что каждое новое здание строится «на чью-либо голову», т. е. в нем кто-либо должен в скором времени умереть и этим «обновить» дом. В связи с этим поверьем, русские прежде при первом входе в новый дом на пороге избы отрубали голову у курицы и мясо этой курицы не ели [Зеленин 2004: 171].

Мы можем сделать вывод, о том, что данный обычай распространён как среди европейских народов, так и среди племен по всему миру. Узнать точно, откуда обряд берет своё начало, представляется нам невозможным.

1.2. Мифологема «строительной жертвы» в русской литературе XIX–XXI вв.

А. Н. Афанасьев отмечает, что «по немецким преданиям <...>, в основание городов, мостов и замков закладывались люди (преимущественно дети); если не делали этого, то здания не могли удержаться, распадались и проваливались сквозь землю» [Афанасьев 1995: 32]. Из этого следует, что на жертв (детей) возлагались надежды, как при постройке зданий, так и в период бедствий.

Исследовав, множество научных работ, а также изучив курс русской литературы, мы выяснили, что эта мифологема бытует в произведениях некоторых писателей.

Впервые в мировой литературе философско-этический ракурс этой мифологеме придал Ф. М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы». Рассказ о растерзанном мальчике (пятая книга романа «Pro и contra», глава «Бунт»). Перефразировать этот отрывок можно, таким образом, из-за того, что где-то рядом или вдалеке плачет ребенок, из-за того, что униженная

жертва прощает своего злодея и тирана, из-за того, что народная цель всеобщей гармонии достигается такой дорогой и жестокой ценой, Иван Федорович готов сию минуту отказаться и от высшей гармонии, и от всемирного счастья людей, и от истины. Все эти высокие, завораживающие понятия скомпрометировали себя слезой, которая течет по щекам невинных созданий:

Слушай: если все должны страдать, чтобы страданием купить вечную гармонию, то, причем тут дети, скажи мне, пожалуйста? Совсем непонятно, для чего должны были страдать и они, и зачем им покупать страданиями гармонию? Для чего они-то тоже попали в материал и унавозили собою для кого-то будущую гармонию? [Достоевский 1991: 387].

В данном отрывке Иван Карамазов рассуждает о страданиях людей, в частности детей. У Ф. М. Достоевского мифологема «строительной жертвы» выражена неприятием этого жертвоприношения, отказа от всеобщей гармонии, ради спасения невинных жертв. Это мы можем увидеть в работе В. Е. Ветловской: «Иван говорит о недопустимости возведения «здания судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей» на мучениях хотя бы одного ребенка и нравственной невозможности согласиться “быть архитектором” на этих условиях» [Ветловская 2007: 290].

Для нас важен этот фрагмент, так как мы наблюдаем рассуждения о возможности или невозможности мировой и психологической гармонии, которые позже отразились в мифологеме «строительной жертвы» в произведениях Д. Быкова.

В произведении И. А. Бунина «Жертва» присутствует мифологема «строительной жертвы». Главный герой Семён Новиков «рубил себе избу на большой дороге». «Под Ильин день» Семёну нужно было ночевать в недостроенном доме, одному:

<...> У вас тут духота. Пойду на постройку, там ночую. [Бунин 1913:1].

Позже Семёну видится Илья-пророк, который находится в разгневанном состоянии, так как он уже трижды пытался достучаться до него и тем самым посылал на Семёна испытания (спас сына от молнии, предчувствовал

неурожай и продал всё, потерял дом в огне):

- Я сердчал на тебя, Семен Новиков, желал покарать тебя <...>

- Позалетошний год я убил молоньей Пантелея, старшого твоего: ты зачем закопал его в землю по пояс, колдовством воротил его жить? <...>

- Летошний год я посек, повалил твою рожь градом, вихрями: ты зачем прознал о том загодя, запродал эту рожь на корню? <...>

- Ну, а нонче, в Петровки, не я ли спалил тебя? Ты зачем спешишь строиться, отделяешься? [Бунин 1913:1].

О. А. Мещерякова и Н. В. Шестеркина в статье «Вербализация ритуальных моделей мифосознания в поэтике рассказа И.Бунина “Жертва”» отмечают, что

чаще всего художественное произведение повторяет этапы обряда посвящения <...> В своём посвящении человек должен пройти мистическое испытание четырьмя стихиями – воздухом, землей, водой и огнем [Мещерякова, Шестеркина 2013:234].

Семён прошел все испытания, но завершающим этапом было принесение в жертву дочери. Возможно, Семён отдал за себя в жертву свою дочь Анфиску, так как он сына спас от смерти не из-за любви, а потому что тот «кормилец-поилец при старости», а девочка была для него не так ценна. Либо, если судить по работам А. Афанасьева, приношение ребенка в жертву должно было умилостивить Илью-пророка, а также должна была обеспечить «духа-охранителя» в строящемся доме, но и еще благополучную, счастливую жизнь Семёну:

Семен вбежал в избу. Бабы с криком метались в темноте, ища серников. Семен выхватил из-за образа коробочек, зажег каганец: люлька, повешенная возле печи, носилась из стороны в сторону, - бабы, задевали ее, бегая, - а в люльке лежала вся сизая, мертвая девочка, и на головке ее чепчик тлел.

Жил Семен с тех пор счастливо [Бунин 1913:2].

В другом исследуемом произведении А. П. Платонова «Котлован», строительство всеобщего дома, превращается в создание ямы, позже могилы:

Носителем мечты о строящемся доме в “Котловане” является, прежде всего, инженер Прушевский, которому принадлежит идея общепролетарского дома. Но Прушевскому, “проходящему” человеку старой эпохи без веры в будущее, кажется, что не ему суждено завершить эту задачу, а “через десять или двадцать лет другой инженер построит в середине мира башню, куда войдут на вечное, счастливое поселение

трудящиеся всего земного шара”. Перед его внутренним взглядом вырисовываются на горизонте “белые спокойные здания”, устроенные “не только для пользы, но и для радости”. Со строящейся башней персонажи повести связывают представление о будущей счастливой жизни. Прушевский пытается предчувствовать “устройства души поселенцев общего дома” и “вообразить жителей будущей башни посреди всемирной земли”. Вечный искатель смысла Воцев, который сам начинает “рыть почву вглубь”, надеется на то, что “будущий человек найдет себе покой в этом прочном доме, чтобы глядеть из высоких окон в простертый, ждущий его мир [Гюнтер 2012: 5].

Мотив смерти от начала романа и до конца преследует героев. Все герои сами того не подозревая, начинают рыть котлован вглубь, не переставая надеяться:

Будущий человек найдет себе покой в этом прочном доме, чтобы глядеть из высоких окон в простертый, ждущий его мир [Платонов 1930:46].

Здесь мы видим мифологему «строительной жертвы», так как надежды главных героев не оправдались, из мечты о всеобщем счастье, о всеобщем доме получилась могила. Отсюда и происходит название романа. Люди не жалея себя трудились на всеобщее благо, положили свои жизни на строительство этого «пролетарского дома», чтобы в конечном итоге построить мощное единое государство. Как упоминает Х.Гюнтер в работе «По обе стороны утопии», в повести царит атмосфера абсурда, рабочие не жалея себя роют «дом», чем дальше продвигается сюжет, тем больше яма, но меньше веры в светлое будущее.

Отметим, что вообще использование различных мифологем отличает постсоветскую литературную ситуацию в целом. Помимо отечественной словесности, неомифологизм характерен, например, для украинской и белорусской литератур. Так, Е. Крикливец пишет о том, что в белорусской прозе существует несколько способов «мифологической “цитации”»:

<...> неомифологические приемы моделирования реальности преобладают в творчестве белорусских авторов, поскольку углубленность в национальную мифологию способствует выражению идеи национального возрождения [Крикливец 2016:279].

Яркие примеры в современной российской литературе дают произведения В. Пелевина. В повести «Омон Ра» (1992) Пелевин, как и

позднее Быков, обращается к мифологеме «строительной жертвы» применительно к эпизодам советской истории.

Главный герой Омон Кривомазов и его друг Митька хотели стать лётчиками, поступили в Зарайское Краснознаменное летное училище, где и началась их подготовка к полёту на Луну, где Омон должен был установить радиосигнал. Позже выяснится, что это была только инсценировка – герой не был в космосе. Всё это было лишь для того, чтобы «воспитать настоящего человека», другими словами жертву, с помощью которой они реализуют квази-подвиг:

Парадокс и, опять же, диалектика – в том, что обманом мы помогаем правде, потому что марксизм несет в себе всепобеждающую правду, а то, за что ты отдашь свою жизнь, формально является обманом. Но чем сознательнее <...> ты осуществишь свой подвиг, тем в большей степени он будет правдой, тем больший смысл обретет короткая и прекрасная твоя жизнь! [Пелевин 1992: 36].

Показателен эпизод охоты, во время которой проводились переговоры с Г. Киссинджером о сокращении ядерного оружия. На этой охоте был убит спецегерь хозяйства Марат, изображавший медведя:

Когда стемнело и вся компания ушла, договор был подписан, а Марат – мертв. Узкая струйка крови стекала из раскрытой его пасти на синий вечерний снег, а на шкуре мерцала в лунном свете повешенная начальником охоты Золотая звезда героя [Пелевин 1992:54].

Как пишет Е. Борода, в убитом егере Марате сосредоточена вся «бессмысленная жертвенность эпохи, доходящая до логического абсурда», так как для ложного договора, два спецегеря стали дичью на охоте для важных гостей [Борода 2016: 2].

Об этом же пишет Д. Маркова в статье «Ценность смерти»:

У отца Омона не зря на стене висела репродукция фрески Микеланджело “Сотворение мира”: одна из архаических мифологем — жертва, лежащая в основе сотворения мира. Мир советского мифа в “Омоне Ра” творится и поддерживается в стабильном состоянии жертвами [Маркова 2011: 5].

Для нас важно мнение изучаемого нами Д. Быкова о повести «Омон Ра». В эссе 2002 г. «ПВО» он пишет так:

<...> поэма о бессмысленном подвиге, о подземном луноходе, который ездит по шахте метро, о смешной и жалкой империи; мальчик, который в этой империи вырос, не может ее не жалеть. Он больше всего похож на пластилинового летчика в фанерном самолете – Омон в пионерлагере разломал самолет и нашел этого летчика, одинокого, упрямого и трогательного [Быков 2002:2].

«Омон Ра» не единственное произведение, в котором Пелевин работает с мифологемой «строительной жертвы». В романе «Empire V» (2006) главный герой становится вампиром, «сверхчеловеком». Представители этой расы выводят людей для прокорма, обеспечения себя «баблосом», который выступает как напиток жизненной силы человека, для развития расы «сверхлюдей»:

Люди производят продукт, о котором не имеют никакого понятия. Несмотря на то, что ежедневно думают только про него. Как бы ни называлась человеческая профессия, это просто участок карьера по добыче денег. Человек работает в нем всю жизнь<...> Только вместо ленты с кормом перед мордой офисного пролетария стоит монитор, по которому этот корм показывают в дигитальном виде. Что вырабатывается в стойле? Ответ настолько очевиден, что вошел в идиоматику самых разных языков. Человек делает деньги [Пелевин 2006: 98].

Отсюда следует вывод, что изучаемая нами мифологема реализует себя в произведениях разного времени, писатели используют её как механизм восприятия авторских идей, которые способствуют глубокому пониманию текста. Мифологема вплетена в текст на всех уровнях поэтики произведений.

Глава 2. Историсофия «Большого террора» в романе «Оправдание»

2.1. Социально-политические взгляды и историсофская позиция Д. Быкова

Д. Быков – медийная личность, за его высказываниями следит общественность, в которой немало противников его идей, но и сам писатель не против «подогревать» к себе нарастающий интерес. Он участвует во всевозможных телерадиопрограммах, интервью, встречах. Такое активное участие писателя в СМИ, поможет нам разобраться в его социально-политических взглядах. Во многих передачах, а также на своей странице в социальной сети «facebook» в 2013 году, Дмитрий Быков повторяет свою идею о «четырёхтактном круге русской истории».

По мнению Д. Быкова, Россия проходит четыре стадии исторического цикла, такие как революция, заморозки, оттепель, застой (маразм). Стадия революции характеризуется тем, что она происходит по велению высокопоставленных лиц, так как история страны не делается народом. Заморозки представляют собой острый внутренний конфликт, когда «лозунги еще те же, а содержание – противоположное». Эта стадия обычно заканчивается катастрофой, когда стране становится нужным «косметический ремонт». Оттепель, в стране происходят перемены настроений, появляются гарантии со стороны власти народу, чувствуется научная свобода, когда государство даёт развиваться «интеллектуальным средам». Завершающая стадия застоя (маразма), предполагает собой неоднозначный исход. С одной стороны, расцвет искусств, но с другой влияние «пошлости и разложения». Д. Быков не даёт однозначного ответа о будущем России, вместо этого он предлагает два исхода. Первый путь: «не очень успешная война на окраинах и в перспективе реформация». Вторым

путь представляет собой «катавасию», которая как надеется писатель, будет не совсем ощутима.

В программе «Особое мнение», регулярным гостем которой Д. Быков является, он активно рассуждает о политике России. Писатель не отказывает себе в острых высказываниях в адрес внешней и внутренней политики страны. Так, он считает неуместной «гонку за лидерство» на мировой арене, когда внутренняя политика требует мер:

Я только боюсь, что реальность очень скоро напомнит об обратном. Где нам заниматься действительно диктованием правил на мировой арене. Нам бы разобраться с тем, назовем это мягко тупиком, куда мы сейчас загнали страну [Быков 2012].

Данное высказывание только подкрепляет слова Д. Быкова о том, что со временем своих взглядов писатель не меняет, как это обговаривалось в других интервью, а значит «идея о четырехтактном круге русской истории» остаётся актуальной.

Свои социально-политические взгляды Д. Быков реализует в своих произведениях, в частности в романах «Оправдание» (2001) и «ЖД»(2008).

Для полного понимания романа Д. Быкова «Оправдание» нам нужно разобраться в отношении автора к времени сталинского режима.

Дмитрий Быков в статье «Иосиф и его клоны» в журнале «Огонёк», выразил своё мнение:

Сталин принял Россию страной с высочайшим интеллектуальным потенциалом, с лучшей в мире культурой, с фантастическим энтузиазмом масс <...> Сталин 30 лет превращал Россию в скучнейшую и гнуснейшую страну мира – страну, в которой пятилетняя военная пауза, со всеми кошмарами войны, воспринималась как глоток свежего воздуха <...> [Быков 2006: 30].

Эта позиция реализована в романе «Оправдание». Даже само название романа даёт читателям подсказку, главный герой постоянно ищет оправдание репрессированным годам советского союза при сталинской власти, которая решила произвести неформальный отбор лучших, которые смогут выдержать не только пытки, но и саму справедливость для построения более цельного сильного государства.

Читатель может верить главному герою на протяжении всего романа – в этом состоит эффект используемого Быковым приёма художественной и интеллектуальной провокации. С помощью этого приёма писателю удается заставить читателя взглянуть на всем известные события, на привычную их оценку по-новому, попробовать переоценить прошлое, избавиться от клише либеральной идеологии. Таинственные факты получают объяснение, детали складываются в единый «пазл», и читатель действительно верит до последних страниц, чтобы в один момент понять, что все на самом деле не так, что оправдания нет³.

Через весь сюжет прослеживается путь главного героя, который не готов смириться с обычными фактами истории, который ищет «сталинскому злу» некое оправдание, но в конце произведения мы видим, что сам автор развеивает теорию героя. Что нет такому «злу» оправдания, ни рационального, ни сверхъестественного. Фантастическая теория рассыпается: «Мы пытаемся подыскать оправдание тому, что происходило в разное время в России. Я написал этот роман, чтобы подавить в себе эту печаль и тоску по имперским мифам<...>» [Быков 2007: 157].

В «ЖД» (2008) Д. Быков снова развивает свою идею о «четырёхтактном круге русской истории». В этом романе она наиболее отчётлива реализована. Об этом написал в своём отзыве о романе писатель З. Прилепин на своём официальном сайте:

Россия крутится по одному заданному кругу: от диктатуры к оттепели, от оттепели к застою, от застоя к революции - и опять по кругу. Страна наша вовсе не имеет истории - в отличие от всех иных стран, - но имеет замкнутый цикл. В этом виноваты, повторюсь, варяги и хазары, и тихая леность коренного населения, которое терпит первых и вторых [Прилепин].

В романе «ЖД» Д. Быков поднимает тему армии. На многих телерадиопрограммах писатель радикально высказывается насчет русской

³ См. об этом: [Амусин 2007; Амусин 2009; Иваницкая 2001; Колобродов 2011; Кудрин 2014; Урицкий 2002].

армии. Проанализировав эти высказывания можно сделать вывод о том, что сам писатель, пройдя службу в армии, относится к ней негативно. Подтверждая это, мы приведём в пример цитату из эссе Д. Быкова «Спаситель»:

Армия была универсальной мясорубкой, кузницей ничтожеств, где ломались все, кто был способен на сопротивление. Вот зачем она была нужна, а не для боеспособности: она поставляла этому государству идеальных граждан [Быков 1999:3].

Эта позиция многократно повторяется в романе «ЖД». Армия представлена как «тупая машина», готовая лишь «пожирать» и она не остановится, пока не поглотит всех.

Отношение писателей, критиков к Д. Быкову неоднозначное. Примечательны слова З. Прилепина (друга и оппонента) в эпизоде № 876 документального фильма «Срок» А. Пивоварова:

Д. Быков – крупнейший писатель современности, очень великий человек. Его «не затрешь», ничего. Он будет в учебниках литературы, будет в университетской программе, наряду с А. Тереховым [Прилепин 2012].

В программе «Особое мнение» с ведущей Л. Рябцевой З. Прилепин снова говорит о Д. Быкове. Отвечая на вопрос ведущей о главной ошибке оппозиции, писатель рассуждает насчет деятельности либералов, а также упоминает о Быкове:

Потому что мощнейшие силы среды, человек, которого я очень уважаю и книги которого люблю Дмитрий Львович Быков. Который изначально выступал достаточно жестко по поводу событий на майдане, с критикой. Мы собственно первые с Быковым написали статьи антимайданные зимой того года. Я помню, какие тумаки посыпались на Дмитрия Львовича от людей его круга. Мне-то все равно, я никогда не был в этом кругу. А вот то, как они своего начинают за шаг влево просто бить батогами по спине, это меня крайне удивило. И поэтому я не буду называть имен, но я знаю одного политика крупного, одного поэта крупного, одного крупного писателя, которые несколько иные взгляды имеют на все происходящее [Прилепин 2015].

Другую оценку творчества Д. Быкова дал писатель, а также общественный деятель Э. Лимонов на сайте «Свободная пресса»:

Быков такой хороший, такой правильный, такой современный, такой вездесущий, такой посредственный, такой банальный, что противно. Дмитрий Львович и учитель, и

романист, и лектор, и пропагандист, и поэт с легким пером. Короче говоря, он как дама приятная во всех отношениях, только не дама. За словом в карман не лезет, премии получает изобильно, на всех радио его голос нас поучает, и ни грамма трагедии в жизни... [Лимонов 2012].

Отношение современных критиков и «братьев по перу» к творчеству Д.Быкова неоднозначное: критические оценки колеблются от полюса признания его поэтического таланта и неординарности мышления к полюсу полного отрицания литературных талантов, видения в Быкове исключительно журналиста и имитатора, с чутьем коммерсанта, позволяющего ему на протяжении многих лет находиться в центре внимания.

2.2. Историк как (ре)конструктор прошлого: образ К. Рогова

В произведениях Ф. М. Достоевского, А. П. Платонова, А. В. Луначарского, Ф. В. Гладкова, а также Д. Л. Быкова прослеживается мифологема «строительной жертвы», но у каждого автора она функционирует по-разному.

Показательно, что М. Липовецкий и А. Эткинд, рассуждая о вариантах рефлексии советской истории в постсоветских романах (они причисляют такие тексты к «носителям памяти»), среди прочих ключевых вещей такого рода называют и роман «Оправдание». Эткинд относит этот роман к сформировавшемуся в русской литературе в позднесоветское и постсоветское время направлению, которое он называет «магическим историзмом». Это направление, по Эткинду, представлено такими романистами как А. Шаров, В. Пелевин, В. Сорокин и собственно Д. Быков, и характеризуется тем, что показывает «неистоцимые фантазии тех, кто создает альтернативное прошлое» [Эткинд 2016:285].

Вот как пишет о романе «Оправдание» В. Пригодич: «Книга исключительно умна, трагедийна, хорошо выделана, печальна и жестока»

[Пригодич 2001: 2]. На наш взгляд, это мнение достаточно верно характеризует основные черты романа.

В «Оправдании» главный герой историк Рогов пытается найти доказательства, которые оправдали бы сталинские репрессии. Мотив «оправдания», не случайно вынесенный в заглавие произведения, вообще становится структурообразующим.

Рогов полон решимости согласиться с необходимостью репрессий, с тезисом, согласно которому построение мощного, сильного государства требует множества человеческих жизней. Отсюда и следуют эти масштабные репрессии:

Он и сам втайне мечтал о Верховной проверке: без нее любая доброта казалась ему неполной и неподлинной. Да он и не любил доброты. Чаще всего она была ограниченной, напористой и агрессивной. Он ценил не доброту, а надежность, добротность – то, что чувствовалось в Кретове и в хорошо сохранившихся вещах пятидесятых годов. Доброта потакала человеку и расслабляла его до того невыносимого состояния, в котором находился теперь весь мир вокруг Рогова – мир попустительства, необязательности и осыпающихся зданий [Быков 2001: 126].

В романе «Оправдание» часть действия проходит в сибирском посёлке с семантически нагруженным названием «Чистое», где, по слухам, живут те из объявленных во время Большого террора врагами народа, кто доказал на допросах свою нравственную чистоту и кто должен был составить «золотую когорту» строителей нового общества. Посёлок олицетворяет собой место «жертвоприношения», где прошедшие проверку люди должны были принести себя в дар ради строительства лучшего государства:

<...> человеческая порода, не прошедшая закалки в Чистом, была все той же бедной человеческой породой; если они, нежизнеспособный и бесполезный теперь призыв тридцать восьмого года, знали все-таки и настоящие страсти, и настоящую боль – в том террариуме, в который превратилась Москва, чувств не испытывали вообще, а жили подделками. Верховная проверка еще могла бы сделать людей из этого населения, но и то вряд ли. И потому рано или поздно они должны были выйти из-под гипноза этой жизни – не взбунтоваться, а просто вяло выползти, перестать сначала ходить на работу, а потом и просто обслуживать себя, – и это станет не триумфом свободы, а выражением бесконечной скуки и усталости. Это будет победа гнили, потому что железо побеждается только ржавчиной, все прочее против него бессильно<...> [Быков 2001: 108].

Даже само название посёлка «Чистое» говорит читателям о своем предназначении, очистить все людей от всей грязи, которая находится в мире. Посёлок находится в Сибири, где чистота может быть сохранена в «свежем» состоянии – Холод не позволяет чистоте «испортиться». Топоним «Чистое» связан с сакральным смыслом, отсылая к топосу рая – «сверхлюди» живут в своем сибирском «рае». Принципиально важна пространственная отдаленность Чистого: до посёлка трудно доехать, на пути к нему существуют различные препятствия, которые необходимо преодолеть, чтобы попасть в «новый» мир. Недостижимость этого идеала закономерно увеличивает желание приблизиться к нему:

<...> чистое потому и было Чистым, что являло собой пример предельно очищенной жизни, в которой все условности были отброшены, все механизмы обнажены... – вот что они устроили в сибирской тайге, уважительно расступившейся перед великим и бессмысленным страданием – единственным, что отличало человека от прочих тварей. Смысл жизни был не в зарабатывании денег на хлеб, не в строительстве домов, которые рано или поздно обречены рухнуть, не в сочинении книг, количество которых, множась, совершенно уничтожало значение новых; смысл жизни был не в истреблении себе подобных, не в захвате чужих земель, не в жалкой, животной по своей сути борьбе за существование, – он был в причинении и переживании боли, бессмысленной и бесполезной <...> [Быков 2001: 261].

Люди своими путями пытаются найти смысл жизни, но, как оказывается: «смысл – он-то не для всякого» [Быков 2001: 264]. Люди в этом посёлке живут вне цивилизации, они своим внешним видом больше похожи на зверей, чем на людей. Для них важнее звериные инстинкты, поступки, они следуют природе:

<...> природа знает примеры взаимопомощи и примеры борьбы за выживание, она гениально непоследовательна и этим неотразимо обаятельна. Природе нельзя верить, ее смешно наделять душой и мыслью. Душа и мысль даны только нам, и если в погоне за величием природы мы подражаем ее равнодушию и жадной, ползучей воле к жизни, единственным доступным нам величием становится величие зверства [Быков 2001: 176].

Важное, что смог уяснить главный герой, это то, что «проверка» в Чистом, она не заканчивалась, человек мог уехать из него, но всё то, что он

испытал там он никогда не забудет, это будет преследовать его на протяжении всей жизни:

Чистое продолжалось, из него не было выхода. Вырвался на пару часов, воспарил, возмечтал – так вот тебе. Он был на вечном учете, на вечной проверке, и мучить его, закаляя до последней крепости, предстояло всю жизнь таким вот приплюснутым людям с запахом чеснока. Это была их привилегия, не обеспеченная ничем. Это была их работа, и далеко не все они потом выдерживали Большую проверку. Ведь никто не предупреждал их, что проверка касается всех. И теперь они считали, что человечество будет делиться на тех, кого проверяют, и на проверяющих, получивших это право от рождения. Но кто-то должен был им объяснить [Быков 2001: 116].

Для главного героя чистота связывается и с возрождением. Эти новые люди, которых он ищет, должны изменить мир, спасая людей, показывая им абсолютную гармонию. Он считает, что достичь спасения, некой чистоты можно лишь путем страдания:

<...> проверялась-то, как он понял довольно скоро после прибытия в Чистое и отрывочных разговоров с товарищами по участи, вовсе не способность терпеть боль: проверялась способность стоять на своем в заведомо безнадежной ситуации, без смысла, ради самой своей правоты, до которой, в конце концов, никому уже не было дела. Но именно люди, способные погибнуть за бесполезную, никому не нужную правоту, погибнуть ради собственной совести, – совершенно не годились для какого бы то ни было строительства, ибо всякая жизнь есть один большой компромисс. Или не очень большой, как кому повезет [Быков 2001: 96].

Мотив смерти часто звучит в произведении. Когда главный герой рассуждает о многих людях, которые были подвержены сталинским репрессиям. В «Чистом» также об этом говорит ритуал, где какого-либо человека принуждают «притвориться мёртвым» лёжа в гробу при всех. Его отпевают, прощают ему его грехи:

<...> единственный закон, по которому жила найденная им элита нации, да и самураи, делавшие все возможное, чтобы обставить свою жизнь максимумом запретов и при малейшем их нарушении совершить ритуальное самоубийство: говори и делай что хочешь, лишь бы мука твоя была максимальна. В ней – единственная гарантия значимости того, что делается с тобой [Быков 2001: 259].

Главный герой историк Рогов постоянно рассуждает насчет людей, которых не увозили в «Чистое», а наоборот бросали в лагеря. Думает, почему

лишь образованных, умных людей проверяли, ссылали, ломали. Он сам отвечает на этот вопрос:

<...> единицы, а зачем ему остальные были нужны? Он так и решил для себя: остальных – не жалко. Если они все такие гнилые, с ними не то, что светлого будущего, прочного настоящего не построишь. Вот и стал делить на сталь и шлак. Большинство – в лагерь: лучшего недостойны [Быков 2001: 66].

Герой постоянно анализирует время 30-ых годов, постоянно пытается осмыслить прошлое, понять его для себя, найти оправдание жестоким репрессиям того времени. Рогову помогает осознать сталинское время его старый приятель Кретов, для главного героя он важное звено в его догадках, так как он единственный человек, который знает о том времени не понаслышке, поэтому все слова принимаются за истину:

<...> они берут не для того, чтобы осудить. Они просто расставляют людей по местам, потому что только так можно проверить, кто к чему годен. Им кажется, что такой предельной проверкой можно правильно разделить общество. Молоку, верно, тоже несладко в сепараторе, а? Раньше был принцип: кто сколько сделает; потом пришли суровые времена, и они придумали принцип: кто сколько выдержит. Тех, кто выдержит все, они используют, тех, кто ломается, – выбрасывают; правильнее всего поведут себя те, кто сразу откажется играть в эту игру и предоставит им наговаривать на себя что вздумается. Такие получают по пять или семь лет и вернутся [Быков 2001: 160].

Выводы главного героя неутешительны. Ярое желание Рогова, которое преследует его на протяжении всего романа найти своего деда и пообщаться с «сверхлюдьми», которые живут в гармоничном мире, не осуществилась. Оказалось, что он попал в «громадное, идеально круглое болото», откуда нет выхода. Чистота превратилась в грязь. Все эти слухи оказались сплошным обманом. Геолог Кретов придумал легенду о «проверке», чтобы оправдать себя в те года. Рассказы о возвращенцах со смертными приговорами были его протестом против власти.

Отсюда следует, что в то время не могла быть никакая «проверка», потому что через страдания, через жертвы других людей невозможно построить истинное, гармоничное, целостное государство:

Истина заключалась в том, что страна, полагавшая высшей добродетелью приспособление и цепкость, была обречена пожирать самое себя, с болью и мукой вновь

рождая человека. И как мертвеет литература, перенимая каменное монументальное величие нового ампира, так мертвеет жизнь, когда общество распространяет на себя критерии дочеловеческого тварного мира, в котором нет совести и сознания, хотя есть дикая мощь и подлинное величие [Быков 2001: 176].

В романе «Оправдание» присутствует мифологема «строительной жертвы», она по особому функционирует, не так отчетливо, как в произведениях А. П. Платонова «Котлован» или Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», мы можем только через отношения главного героя понять её содержание, а также через самого автора.

Помимо структурообразующей функции в создании фигуры героя-протагониста, исследуемая мифологема выполняет коммуникативную и аксиологическую функции: посредством мифа происходит трансляция традиции, осуществляется символическая связь поколений: исторические разыскания Рогова дают ему возможность не просто выяснить обстоятельства прошлого, а самому смоделировать их, конструируя альтернативную версию истории 30-х годов и ценностно оправдывая её необходимостью создания породы советских сверхлюдей.

После длительных разысканий Рогову удастся выяснить, что никакой «Большой проверки» не было, террор был абсолютно бессмысленным и телеологически не обусловленным, а была лишь выдуманная история его соседа Кретьова, оправдывающая неучастие Кретьова в войне. Однако это не снимает необходимости понять, почему Рогов поверил в его рассказы. Однозначного ответа роман, как кажется, не дает, но можно предположить, что эти рассказы имели влияние потому, что были услышаны Роговым с детства и воспринимались по его словам «первой отечественной историей». Это же обусловило выбор будущей профессии историка, и в дальнейшем Рогов начал активно искать подтверждения реальности «верховой проверки».

Важным приёмом Быкова-романиста оказывается аксиологическая и интеллектуальная провокация, с помощью которой автору удаётся заставить

читателя взглянуть на всем известные события и их привычную оценку по-новому, попробовать реинтерпретировать прошлое.

Рогов собирает истории о выживших (хотя и расстрелянных по официальной версии) знаменитых людях. Например, в романе приводится рассказ о Бабеле, который через 8 лет после официальной даты смерти якобы звонит своему другу:

-- Это ты, Леша? -- Даже по телефону слышно было, как Бабель улыбается.

-- Ты больше не хочешь стать бибизяной? -- И сын журналиста узнал его короткий смешок.

Этого не мог знать никто, кроме ближайших друзей семьи <...>.

-- Это вы, Исаак Эммануилович? -- спросил Леша, который никогда не верил, что такой хороший человек может пропасть насовсем.

-- Я, я. Узнал, хитрец. Скажи, пожалуйста, папа дома?

-- Он уехал, Исаак Эммануилович! В командировку. Хотите, подойдет мама? Она у соседей, я сейчас позову...

-- Да не надо. Я думаю, у нас будет еще время встретиться. Передай им... а впрочем, я сам передам. Вечером зайду и передам [Быков 2001: 34].

Эти таинственные факты получают объяснение в предложенной телеологической перспективе, и читатель до последних страниц романа может верить в эту альтернативную версию исторических событий, чтобы в финале понять, что это серия ошибок – Бабель и другие репрессированные на самом деле мертвы, и никакого оправдания для Большого террора нет.

Глава 3. Мифологема «строительной жертвы» в структуре романа «ЖД»

3.1. Персонажная система романа: варяги vs. хазары

В основу идеологии варяжства в романе «ЖД» лежит норманнская теория, сторонники которой считают варягов истинными основателями русского государства (Новгородской, а затем Киевской Руси). Согласно летописи «Повесть временных лет», славянские племена сражались с русами и сумели изгнать их из своих земель. Но после этого последовал период смуты и кровавых междоусобиц в славянских землях. Это заставило их вновь обратиться к русам и призвать их из-за моря на княжение.

С этой позиции варяги в романе проповедуют преимущество «арийской нации». На лекциях капитан-иерей Плоскорылов постоянно подчёркивает превосходство «нордов» над другими расами:

Русские, или русы, – великий северный народ, согнанный с места похолоданием; но похолодание было не случайно – у природы (упоминать чуждого христианского Господа в арийских лекциях Плоскорылов избегал) была особая цель. Истинной причиной оледенения было то, что срединные народы, живущие в глубине материка, нуждались в просвещении. Это просвещение и принесли им арии – русоволосые, высокие воины, проводившие дни в овладении боевыми искусствами и магическими ритуалами. Под руководством вождя Яра, о котором сообщала Велесова книга, русы вышли из Гипербореи и устремились на плодородные земли, где жили дикие племена. Племена уже умели обрабатывать эти земли, но не знали зачем, то есть для кого [Быков 2006: 54].

Суть всей «норманнской идеи» является безоговорочное послушание солдат и их ежесекундная готовность умереть за варяжское государство. Об этом говорят и несомненные символы варяжства у богослова Плоскорылова:

<...> череп, который Плоскорылов всегда носил с собой для напоминания о главном; да платок, омоченный в хазарской крови (драгоценная реликвия, вручаемая на четвертом курсе); и неременный льдистый кристалл с острыми гранями – образ полюса Севера, с надписью «Привет из Арктики!» для камуфляжа: такие сувениры имперская промышленность в избытке производила в шестидесятые, но вынуждена была скрывать

«ориентацию на север» и маскировать ее дурацкой романтикой освоения новых территорий [Быков 2006: 61].

Главный идеолог варяжства капитан-иерей Плоскорылов в произведении появляется перед солдатами в длинной рясе с золотым аксельбантом, что говорит о важности его чина для варяжства. Все сослуживцы считают его «идеальным политруком», так как к своим обязанностям относится как к высшему, самому главному делу – «воспитание истинных солдат»:

В первый год войны Плоскорылов мог собой гордиться – от рук его расстрельной команды пало в полтора раза больше народу, чем государственники потеряли в столкновениях с хазарами и горцами [Быков 2006: 27].

Самоуверенность и жестокость Плоскорылова не имеют границ. Вокруг себя он возводит храм настоящей воинской веры, с помощью которого ему удаётся влиять на солдат, читая «арийские» лекции:

Храм получился аккуратный, истинно воинский, с арктической устремленностью вверх, с чисто декоративным, несерьезным крестом и без всякой уродливой луковицы, этой неотъемлемой принадлежности православия [Быков 2006: 60].

Противоборствующая сила – хазары совершенно отличаются своей идеологией от варягов. Если на стороне северян преобладает сила, то на стороне южан свобода личности:

Варяги явились с севера и исповедовали суровые воинские ценности, хазары принадлежали к гедонистической культуре юга и более всего увлекались торговлей, а производством не интересовались вовсе [Быков 2006: 206].

Хазары считают себя правомерными хозяевами этой страны и вторгаются на территорию России, для возвращения её себе, для этого создали отряд под названием «жд», по иному «ждушие дня», который возглавлял Эверштейн, ненавидящий варягов:

Эверштейн с наслаждением передразнивал варяжскую интеллигенцию – эту плесень на болоте, уродливый нарост на теле бронтозавра, колонию микробов, страдающих половым бессилием [Быков 2006: 402].

Главный идеолог хазарства Миша Эверштейн (историк служит в израильском музее истории катастрофы) по внешнему виду выглядит карикатурно, будто олицетворяет собой всю хазарскую нацию в романе:

Миша принадлежал к распространенной породе, подчеркивавшей и пересмеивавшей свое хазарство на каждом шагу. <...> ... Эверштейн беззлобно и даже почтительно похихатывал над анекдотами про Рабиновича, пародировал газетный стиль, имитировал местечковый акцент – хотя у него был прекрасный, богатый и пластичный русский язык, без намека на провинциальность. Он и выглядел чересчур типично – маленький, смуглый, птичьеносый, с редкой черной бороденкой и быстрыми карими глазками, – и вел себя, как Рабинович из анекдота: мелко суетился, болтал, бравировал неряшливостью, быстро и неопратно ел и все трогал себя: то потрет переносицу, то примется теребить мочку уха, то почешет под мышками и быстро понюхает пальцы. Это, пожалуй, было у него не пародийное, а врожденное, все остальное он подобрал по черточке, чтобы довести до совершенства гротескный образ, растворить природные черты в анекдотических, чтобы и собственные его мелкие пороки казались сознательно выбранной маской [Быков 2006: 121].

По словам Эверштейна, Россия принадлежит хазарам, утверждал, что это исконно их земля. «Русских» причислял к потомкам варягов, северных народов, грубых, жестоких воинов, тяготеющих к выпивке и с однобокой линией введения войны:

И еще в одном был прав Эверштейн – прав настолько, что отступали любые логические возражения: можно было еще оспорить предположение насчет хазарских прав на Россию, отыскать источники, опровергнуть домыслы, но никто не мог объяснить, почему задачей любой русской власти, вне зависимости от ее происхождения, характера и продолжительности, было в первую голову уничтожение собственного народа, и уж потом все остальное, не более конструктивное. Именем народа совершались революции, начинавшие с масштабных истреблений, и реформы, превращавшиеся в гекатомбы; народ уничтожали закрепощениями и свободами, нищетой и шальным богатством, – и все при прямом соучастии самого народа, не без мазохистской готовности кидавшегося в новые и новые затеи, лишь бы оборвать это невыносимое насильственное существование [Быков 2006: 179].

Миша Эверштейн отличается от других персонажей своей интеллигентностью и любовью к своему народу, старался любыми путями сохранить историю «бедствий» хазар:

В каждой новой захваченной деревне Эверштейн первым делом создавал музей истории хазарства, то есть вывешивал в каждой сельской школе один и тот же набор фотографий, заблаговременно растиражированных еще в Каганате. Это была по

возможности полная история бедствий хазар, много потерпевших в том числе и от коренного населения, никогда толком не умевшего защитить хазар от варягов. Попутно Эверштейн занимался поиском чудофобов – так он давно уже называл про себя антихазарски настроенные элементы [Быков 2006: 397].

Эверштейн описывает российскую историю как «истребление народа» и сравнивает это с колонизацией Северной Америки (деградация местного населения, «огненная вода и костры из людей»), а также рассуждает о несостоятельности варяг:

Нет уж, Эверштейну был милее какой-нибудь искренний воинственный враг, годный хоть на пахоту в случае порабощения: эти, со своими общечеловеческими принципами, вовсе уж никуда не годились. Только варяги могли называть интеллигенцией самых нежизнеспособных, несчастных, ипохондрических, годящихся только молотъ языками: сравните их с хазарской интеллигенцией, плотной, жовиальной, крикливой, женолюбивой! [Быков 2006: 402].

Хазары любыми способами пытались добиться своей цели, для этого создали заменяющий «черную кровь земли» флогистон – газ, который был в «штатах», в Африке, в Антарктиде, в хазарском Каганате, но его не было только на территории России:

Непонятно, как в стране, столь богато оделенной от Господа лесами, реками, нефтью, юфтью, финифтью, пенькой и ворванью, не нашлось пустякового газа, которого никто никогда не видел и на котором таинственно держалась теперь вся мировая промышленность. На флогистоне ездили автомобили, бездымно работали фабрики, делались бешеные деньги – а Россия по-прежнему ездила на бензине, которого у нее теперь хоть залейся, ибо нефти никто не покупал [Быков 2006: 38].

Если варяги сильные воины, то хазары отличаются своим умом, но ни та, ни другая сторона не знала, что делать по окончанию войны. Всем смыслом их существования было противостояние друг другу, бесконечные притязания на территорию России, которые не приводили к победе одной из сторон:

Варяги бесперечь расстреливали своих перед строем, хазары не знали, что делать с захваченной землей, – и обе стороны лихорадочно убегали от крупных столкновений: варяги разучились умирать за эту землю, а хазары усомнились в том, что она того стоит. Воевать уже было не за что; разойтись по домам казалось стыдно, да и нельзя было после всего жить рядом, – а уничтожить друг друга сил не хватало. Это не могло продолжаться

дальше. Это должно было кончиться, совсем, бесповоротно, – чтобы начался новый человек на новой земле [Быков 2006: 213].

По большому счету варяги и хазары сражались не только за территорию России, но также и за коренное население, которое беспрекословно подчинялось и тем и другим, но из-за постоянной войны страдали «васьки», население которых постоянно истреблялось:

От коренного населения России к началу двадцать первого века осталось очень немного. Вот почему почти никто в стране не умел и не хотел работать, а главные споры шли между теми, кто желал воевать, и теми, кто хотел торговать [Быков 2006: 207].

Варяги, хазары – представлены как захватнические силы, с той разницей, что хозяевами территории России были в разное время. От их власти страдало коренное население, которое уменьшалось и деградировало. По-настоящему проникнуться симпатией можно лишь к «васькам», которые в малой части сохранили связь с природой, но которые в своём развитии двигаются по заданному кругу.

Главная проблема всех противоборствующих сил в романе – это бессмысленное, ненужное желание овладеть «своей» землёй, а также истребить полностью своих врагов, то есть всех других людей, но только единицы не просто узко мыслят, а видят истинные положения дел:

Мечтания варягов и хазар простирались ровно до того момента, когда будет осуществлена их главная цель – подчинение прочего мира. После этого хазары ждали своего мессии, варяги – всеобщего конца. На вопрос о последствиях прихода мессии хазары удивленно пожимали плечами; варяги на вопрос о венце своей миссии возводили очи горе. Ни те ни другие не брались ответить. Главным условием бурного функционирования варяжества и хазарства было именно темное пятно на месте эсхатологии, отсутствие представления о цели – она должна была мистическим образом открыться в момент ее достижения; никто не смел заглядывать за черно-звездную завесу, пока длится путь. Лишь очень немногие варяги и вовсе единичные хазары могли представить себе, что за темной завесой нет решительно ничего, кроме самоуничтожения, – оно и есть высшая форма власти над миром, та стадия, на которой мир становится не нужен... но до этого почти никогда не доходило. Все они ждали генерального сражения, не представляя, за что сражаются [Быков 2006: 614].

Персонажная система в романе «ЖД» выстроена автором органично, каждый герой наделён своими индивидуальными характеристиками и в

каждой нации есть свой лидер, который является носителем всей идеологии народа. У хазаров это Миша Эверштейн, у варяг – капитан-иерей Плоскорылов, именно они предстают перед нами в гротескной форме, так как содержат в себе концентрированные идеи своей народности, которые освещают на протяжении всего романа.

3.2. Экспликация мифологемы «строительной жертвы».

Обращение к роману «ЖД»⁴ обусловлено двумя важнейшими причинами. Во-первых, Д. Быков в беседе с Ю. Беликовым охарактеризовал «ЖД» как «мое лучшее сочинение...» [Беликов 2008: 2]. Во-вторых, важно увидеть динамику позиции Д. Быкова, изменения, произошедшие со времени написания первого романа «Оправдание» до «ЖД», суммирующего его историко-политические взгляды.

Характерно, что в «Оправдании» слово «жертва» и его производные (в подавляющем большинстве случаев именно в значении «строительной жертвы») используются 9 раз. В «ЖД» количество таких словоупотреблений вырастает почти в 4 раза – до 35. Такая динамика свидетельствует о том, актуальность мифологемы «строительной жертвы» значительно увеличивается от первого исследуемого нами романа ко второму.

Во многом именно с помощью этой ключевой мифологемы писатель реализует свои идеи о цикличности развития русской истории. В «ЖД», как и в «Оправдании», Быков снова конструирует альтернативную реальность. Однако теперь она уже соотносится с отечественной истории на всём её протяжении, а не только с эпохой Большого террора.

Ход отечественной истории, по Быкову, определяется противодействием двух сил – варяг и хазаров. Варяги – это северяне, которые пытаются

⁴ Сам автор определяет жанр книги как «поэму» [Беликов 2008: 2].

отвоевать свое право на территорию, вытесняя при этом хазаров (иначе – евреев). Ключевым занятием и тех, и других становится война: они стремятся «истребить внутреннего врага» для завоевания территории, не беря в расчет «рядовых солдат» – некогда мирных людей, для которых эта война не имела смысла и на которую они шли по приказу. «Коренное население васьки» находятся под постоянным гнѐтом, их отлавливают и истребляют. Эта мысль отчётливо эксплицируется с помощью характерной в данном контексте некрасовской реминисценции:

<...> дорогу к победе следовало мостить телами.<...> Всякое дело прочно лишь постольку, поскольку под ним струится кровь – разумеется, не драгоценная кровь элитного варяжства <...> а черная кровь земли, нефть войны, щедро отжимаемый сок рядовых [Быков 2006: 170].

Автор с самого начала произведения погружает читателя в мир недалекого будущего, однако читателя не покидает впечатление, будто это прошлое, поскольку речи героев (неважно – варяг, хазар или васек), их мысли и действия, выдают в них первобытность, будто живут они лишь благодаря инстинктам:

В огне вам не гореть, в воде не тонуть. Должен заметить, что местные вообще очень ловко избегают опасности и отлично чувствуют ее. Но что предсказано, то предсказано: не знаю, как будет, но знаю, чем кончится [Быков 2006: 556].

В первой главе, название которой отсылает к Жуковскому («Во стане русских воинов»), автор изображает все тяготы армейской жизни, жестокий и несправедливый мир армии. В этой главе эксплицируется мифологема «строительной жертвы» путѐм раскрытия варяжских истин:

Увы, истинных варягов было в армии немного. И не то чтобы всех перебили в первые три года войны – варяги были не дураки бросаться в гущу боя. Элита не гибнет, она не вправе отступать от высшего долга – командовать жалким, не понимающим своего назначения мясом. Даже и в критической ситуации офицер обязан был первым делом думать о спасении собственной жизни, а уж потом – о своих людях; людей много, офицер один [Быков 2006: 189].

Любопытно, что капитан-иерей Плоскорылов, закончивший богословский факультет, в своих лекциях говорит об отрицательном

воздействии христианства, о ненавистном воздействии хазар на варягов путем распространения этой религии:

Подумайте, сколько сил потратило государство на воспитание истинного офицера и каким возмутительным разбазариванием средств была бы ненужная самоотверженность, навязанная нам хазарскими извращениями христианства!» О том, что христианство – вообще подлая хазарская выдумка, запущенная в мир для его погубления, говорить пока не следовало: даже на богословском факультете это сообщали только на третьем курсе [Быков 2006: 190].

Эту позицию можно объяснить тем, что христианская аксиология одинаково чужда системам ценностей противоборствующих сил – варяг и хазар. Воспитываются псевдоценности как озлобленность, дисциплинированность, страх. Благодаря этим качествам солдаты взращивают ненависть к вражеской стороне. Офицеры реализуют истинную цель войны – создать безвольных полуживых солдат, механично выполняющих приказания:

Считалось, что сержант и вся стоящая над ним пирамида, включая обязательного смершевца, вырабатывают таким образом из солдата настоящего мужчину, хотя настоящего мужчину они как раз выдавливали из него по капле, как раба, а вместо того вещества, из которого делаются мужчины, вливали в его жилы и кости тухлую, рыхлую, дряхлую субстанцию, парализующую всякое осмысленное сопротивление. Обработанный таким образом солдат способен был воевать только истинно варяжским способом – то есть ничего вокруг не сознавая и боясь своих больше, чем чужих [Быков 2006: 234].

Варяги и хазары представлены как основные соперники в борьбе за землю. Варяги – воинственные солдаты, общинники, которые настолько привыкли ко всем невзгодам военной жизни, что это породило иное отношение к смерти, как к высшей ценности. Выработалась система по истреблению не вражеских единиц, а собственных сил – «машина», требующая новых жертв ради идей революции:

К сожалению, довести население до идеальной численности не удавалось никак: оно всякий раз умудрялось быстро восстановиться, и Плоскорылову виделся в этом несомненный пережиток варварства. После очередной чистки в стране становилось легче дышать – в юности, готовясь в историки, он с особенным наслаждением перечитывал источники, относящиеся ко временам таких разрядок; но как же быстро все засорялось! [Быков 2006: 200].

Хазары – хитрые и ловкие торговцы, не желающие уступать «свою землю» варягам, гордые, так как поклялись никогда не работать на этой земле, пока она не принадлежит им. Ради захвата «своей» территории они способны на активные действия:

Сильной стороной был распад, энтропия, которой и надо было всячески способствовать, неуклонно оберегая при этом собственное тайное братство; подкладывать щепки во все чужие костры – чтобы хранить свой невидимый град, которого не было на карте, который был поэтому неуязвим для любых пушек. Всякое истребление отдельных граждан этого града было только на руку его тайным правителям – потому что становилось аргументом в спорах: это был новый кирпич в стену неуязвимости, ибо хазары ничем на это не отвечали. Они были на стороне врага, которого нельзя увидеть: они желали гибели всем царствам, чтобы на их руинах наконец утвердить свое – тактика поистине безупречная, потому что они выступали в союзе с самим временем, самой вечностью, которой некуда торопиться [Быков 2006:255].

«Коренное население» («васьки») – безмолвные создания, которые практически утратили связь с миром, их речь понятна немногим, лишь представителям той же народности; иногда, впрочем, встречаются более разумные, но и у них постепенно наблюдается процесс деградации. Васьками управляют и хазары и варяги. Они неспособны на активные действия и выступают как приложение в виде домашнего питомца для других людей:

Васьки в основном и жили сбором вторсырья, и сами были таким вторсырьем, которое перед самой войной тоже начали куда-то собирать, – они вдруг исчезли из города: одни сбежали, других переловили [Быков 2006: 209].

В произведении «ЖД» фигурируют две деревни (Дегунино и Жадруново). Дегунино – магическое место «коренного населения», за которое и бьются местные захватчики. Деревня известна своим избытком провизии, плодоносной землей, а также «бабами», которые готовы приютить всех: «Дегунино брали двенадцатый раз, у каждого давно была баба» [Быков 2006: 1].

Пока на всей земле происходят беспорядки, война, в этой деревне сохраняется подобие гармонии: «природа изнемогала от изобилия» урожая,

местные люди, несмотря на запреты, помогали всем кто приходил к ним в деревню, даже нападки со стороны капитана-иерея Плоскорылова остаются не услышанными:

<...> Дегунино, подобно покорной любовнице, встречало новых и новых освободителей. Всех без разбору тут кормили, поили местным мятным самогоном и укладывали баиньки, – и сколько бы ни ярился Плоскорылов, требуя выявить и прилюдно расстрелять тех, кто сотрудничал с оккупационными властями, призывы его оставались без внимания<...> [Быков 2006: 2].

Итак, мощь варяжства не может быть реализована в Дегунино. Совершенно иначе обстоит дело в деревне Жадруново, овеянной мистическим ореолом:

<...> деревня та большая-большая. В середине ее столб, на столбе лик прибит, кто на тот лик посмотрит – там и останется. И вокруг все столбы, столбы. Это те, кто взглянул на лик, да так и остолбенел. По краям деревни тучи ходят, низко стоят, никогда в ней света не видано. Земля там вся плоская, далеко видать, лес видать и поле, а не дойти. За лесом станция. Со станции в деревню десять минут ходу, а из деревни до станции и за год не дойти. Нету выхода из деревни, и никто еще не возвращался [Быков 2006: 335].

Пространство в этой деревне отличается от других мест: Жадруново стоит в самом центре «русской земли». Попадая в неё, люди могли улавливать настоящий язык «коренного населения». На протяжении всего романа герои отрицательно высказываются об этой деревне, но примечательно, что в конечном итоге все они попадают именно туда. Это можно объяснить тем, что Жадруново является сакральным местом, только здесь герои могут начать все с «чистого листа», построить новое, сильное государство (на что способны главные герои произведения).

Мифологема «строительной жертвы» реализует себя на протяжении всего романа. Мы можем последить этот процесс в речах и мыслях героев, а также через отношение автора к тем или иным противоположным сторонам (варяги, хазары, васьки). Важный эпизод с рядовым Вороновым, которого незаслуженно обвиняли в пособничестве хазарам, абсолютная абсурдность нападок была видна, но офицеру варяжства было всё равно кого расстреливать, но со временем животное чувство крови притупилось,

поэтому майор Смерша Евдокимов искал жертву, которая оказала бы сопротивление:

Воронов был худ, черноволос и страшно нервен. Может быть, именно по этой причине выбор Евдокимова и пал на него. Бессмысленно было допрашивать тупую деревенщину, изгаляться над крестьянами с их однообразными ответами и полным неумением выкручиваться. Воронов, напротив, извивался ужом. Евдокимов не знал за ним никакой вины и с интересом наблюдал за тем, какую вину придумает сам Воронов. Это было самым увлекательным в работе с интеллигенцией [Быков 2006: 132].

Рядовому Воронову пришлось признаться, так как другого варианта не было, он мог лишь надеяться на чудесное спасение:

Он знал, что во время допросов тридцать седьмого некоторые тоже называли всех, кого помнили, думая, что явная абсурдность показаний скоро приведет к ступору карательной машины, неспособной переварить столько народу; но машина была способна переварить этот народ несколько раз, с детьми, чадами и домочадцами, а хватать всех ей было вовсе не обязательно. Она уже умела растягивать удовольствие. Но еще лучше она умела убеждать пищу, какая эта пища дрянь [Быков 2006: 137].

Безысходность, отчаяние, разочарование – все это настигло Воронова. Он осознал, что ничего не может изменить, что «тупая машина» включила свои механизмы, остановить, которые он не в силах. Он был нужен ей, он должен был умереть ради назидания другим солдатам, ради устрашения, он та жертва, которую необходимо было принести, чтобы «смягчить» механизмы лжепатриотизма в варяжстве, снять их травмирующий эффект:

<...> для людей вроде рядового Воронова это было всего страшней: жертва, которую пытаются, все-таки надеется, что она может что-то сказать или сделать, чтобы ее пощадили. Она до последнего верит, что мука ее не самоцельна (и иногда так оно и бывает). Воронов же чувствовал, что его просто не должно быть, что машина выбрала его, проверила на вкус, насадила на иглу и несет теперь к железному, воронкообразному рту, и как бы он себя ни вел – изменить эту участь не в его силах. Кается пища, извивается или, напротив, встречает смерть мужественно и достойно – она все равно пища, и никаких оправданий у нее нет. Она, собственно, и не виновата [Быков 2006: 140].

Перед смертью к Воронову пришёл капитан – иеерей Плоскорылов, который по законам морали должен был облегчить «уход» рядового, но в виду всей идеологии варяжства, он осветил цель местной армии:

Жизнь есть мерзостное существование, которое должно быть преодолено. Ни секунды комфорта подлому телу с его низменными запросами, ни секунды напрасного

лежания просто так! Солдат должен быть всегда занят, а всегда занят только мертвый солдат. Я поздравляю вас, рядовой Воронов, с тем, что завтра на рассвете вы станете идеальным солдатом! [Быков 2006: 143].

Идеолог варяжства, капитан-иерей Плоскорылов, «рождённый благословлять идущих на смерть» и отличающийся своим отношением к солдатам как к «неодушевленным предметам»:

<...> обожал мёртвого солдата. Только мертвый солдат, установленный на площади в виде памятника, назидательно поминаемый во время молебствий, торжественно называемый Неизвестным, - был абсолютным воплощением норманнского духа, ибо утрачивал личность [Быков 2006: 56].

Плоскорылов не знал никакой жалости к своим соплеменникам. Интеллектуал, который ни перед чем не остановится, все свои знания пускал на подавление солдат, на создание марионеток, которые верно будут служить всеобщей цели. Читал лекции на благо всего варяжства, для поднятия боевого духа путём истребления своих же солдат:

Наглые ЖД в разлагающих листовках кричали о чудовищных фактах – солдаты русской армии гибли главным образом от рук соплеменников; Плоскорылов лишь усмехался – знали бы они истинные цифры! Женственный Юг, ценивший комфорт и уют, дрожавший за жалкую человеческую жизнь, – как мог он воевать с титанической варяжской армией, для которой физическое бытие солдата было не дороже ячменного колоса! Но в последний год осуществлять варяжскую стратегию было затруднительно – солдат не хватало даже на кухонный наряд. Расстрелы приходилось производить лишь по праздникам, в дни особенно почитаемых святых, – и боевой дух войска неуклонно падал. Армия была не та, и с каждым днем становилась все более не той [Быков 2006:78].

Плоскорылов, верящий в мощь варяжства, конструировал лжепатриотизм, в результате которого многие герои были подвергнуты смертной казни. Только на своих лекциях он мог почувствовать себя частью этого мира, выступающего символом истребления неугодных солдат. Он по-настоящему верил в сакральное таинство «конца пути», непоколебимо верил, что в смерти солдат найдёт покой, что это лучшее, что может произойти с такими «насекомыми войны», лишь в смерти они обретут «гранитное бессмертие»:

Он любил мертвых нежной, тонкой любовью; ему было среди них отлично. Они не могли ему возразить и не скучали, слушая его. Ему особенно удавались проникновенные,

несколько бабьи интонации; его голосом могла бы говорить Родина-мать с известного плаката, неумолчно зовущая в могилу вот уже которое поколение бессовестно расплодившихся сыновей. Призывая отважно погибнуть во имя Русского Дела [Быков 2006:77].

Роман «ЖД» строится на излюбленной идее писателя о цикличности хода русской истории («революция» – «заморозок» – «оттепель» – «застой»). Ключевым приёмом художественной репрезентации этой концепции становится именно мифологема «строительной жертвы».

Заключение

Мифологема «строительной жертвы», активно присутствующая в литературе XX–XXI вв., эксплицируется в различных произведениях по-разному. Авторы разного времени могут использовать ее на всех уровнях художественного текста. Востребованность этой мифологеми можно объяснить тем, что она даёт возможность эстетически яркой и убедительной репрезентации как социальных (к примеру, строительство железной дороги у Некрасова), так и экзистенциальных (а иногда и их синтез – как у Достоевского или Платонова) конфликтов.

Не исключение в этом смысле и современная словесность, одним из ярчайших представителей которой является Дмитрий Быков. Обширная и разнонаправленная творческая деятельность Д. Быкова – журналистика, литературная и кинокритика, преподавание в школах и университетах, чтение публичных лекций, работа теле- и радиоведущим и, конечно, собственно поэтическое и прозаическое творчество не могут не привлечь привлекает внимания к его личности. При этом Быков является неоднозначной фигурой и вызывает противоречивые отклики у современников.

Д. Быков и в прямой, публицистической, и в опосредованной, художественной форме реализует либеральные общественные и политические убеждения.

С самого первого своего романа «Оправдание» он актуализировал мифологему «строительной жертвы» (на тот момент еще скорее в скрытом, «латентном» виде), поскольку она позволила наиболее полно, но в то же время не напрямую выразить его взгляд на период Большого террора как на череду репрессий, не имеющих никакого оправдания.

Второй роман, который был выбран нами для исследования – «ЖД» – был начат в год написания «Оправдания» и стал своеобразным

компендиумом быковской историософии, предельно расширив предмет размышлений – от короткого эпизода советской истории и его осмысления в постсоветское время до отечественной истории на всём её протяжении.

Романы Д. Быкова можно отнести, вслед за А. Эткингом и М. Липовецким, к направлению под названием «магический историзм», учитывая, что он представляет собой «форму травматического письма, сложившуюся в постсоветской культуре <...> Почти всегда эти тексты насыщены нетрадиционной магией. Исторические периоды, в которые эти авторы помещают своих героев, менее разнообразны: почти всегда это советский период» [Липовецкий, Эткинд 2008: 4].

И в «Оправдании», и в «ЖД» происходит «отыгрывание истории» Быков конструирует псевдоальтернативную реальность на основе интерпретации и переосмысления реального исторического опыта.

Основной нашей целью было комплексное изучение репрезентаций мифологемы «строительной жертвы» на разных уровнях поэтики романов Д. Быкова «Оправдание» и «ЖД».

В первой главе мы выяснили, в чём заключается смысл мифологемы «строительной жертвы», раскрыли понятие «строительной жертвы» в ритуально-мифологическом аспекте, приводили примеры многих исследований учёных, а также находили мифологему «строительной жертвы» в русской литературе XIX–XX веков.

Во второй главе мы проследили мифологему «строительной жертвы» на разных уровнях поэтики романа «Оправдание» – от прямых деклараций героя-протагониста, занятого историософскими размышлениями о годах Большого Террора, до отдельных образов, мотивов.

В третьей главе мы описывали персонажную систему романа «ЖД», причины столкновения основных противоборствующих сил (варяги vs. хазары) и исследовали экспликации указанной мифологемы.

В обоих романах Быков с разной степенью отчётливости использует мифологему «строительной жертвы» в качестве инструмента для напряженной рефлексии над отечественной историей. С той разницей, что в «Оправдании» речь идёт о Большом терроре, в а «ЖД» предметом историософских размышлений становится русская история на всём её протяжении. В «ЖД» реализуется быковская концепция о цикличном, четырёхтактовом характере отечественной истории, изменить которую, по логике романного сюжета, может лишь конец света.

Многоплановость, наличие нескольких сюжетных линий и пластов, «альтернативная версия» исторических событий и, наконец, элементы языковой игры – вот основные черты романов Д. Быкова, которые, несомненно, занимают важнейшее место в литературе российского постмодернизма и в целом в традиции рефлексии отечественного историко-культурного процесса с либеральных политических позиций.

Список использованной литературы

1. Амусин 2007 – Амусин М. Новая российская футурология. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2007/12/am11.html> (дата обращения: 21.02.2017).
2. Амусин 2009 – Амусин М. Чем сердце успокоится. Заметки о серьезной и массовой литературе в России на рубеже веков. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2009/3/am1.html> (дата обращения: 21.02.2017).
3. Афанасьев 1995 – Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1995. 200 с.
4. Банников 2005 – Банников К. Формат казармы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2005/5/2005_5_23.html (дата обращения: 27.02.2017).
5. Байбурин 1993 – Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993. 159 с.
6. Байбурин 1979 – Байбурин А. К. «Строительная жертва» и связанные с нею ритуальные символы у восточных славян. Л., 1979. 159 с.
7. Байбурин 1983 – Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. 63 с.
8. Беликов 2008 – Беликов Ю. Трещина на Голгофе. Беседа с Дмитрием Быковым. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/ra/2008/11/by19.html> (дата обращения 21.06.2017).
9. Борода 2006 – Борода Е. Повесть В. Пелевина «Омон Ра» в русле отечественной традиции. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-tradition/1.html> (дата обращения: 28.02.2017).
10. Бунин – Бунин И. А. Сборник рассказов. Жертва. М., 1986. 76 с.
11. Быков 2007 – Быков Д. Оправдание. Эвакуатор. М., 2007. 528 с.

12. Быков 2006 – Быков Д. ЖД. М., 2006. 685 с.
13. Быков 2003 – Быков Д. Блуд труда. Спаситель. ПВО. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/210574-blud-truda.html> (дата обращения 28.02.2017).
14. Быков 2006 – Быков Д. Иосиф и его жены. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/2296583> (дата обращения: 20.05.2016).
15. Быков 2015 – Быков Д. Особое мнение. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1481074-echo/q.html> (20.05.2017).
16. Вардьяш 1964 – Вардьяш Л. О некоторых принципиальных вопросах изучения эпических жанров. Л., 1964. 182 с.
17. Ветловская 1978 – Ветловская В. Е. Творчество Достоевского в свете литературных и фольклорных параллелей. «Строительная жертва». Л., 1978. 636 с.
18. Гюнтер 2012 – Гюнтер Х. По обе стороны от утопии. Контексты творчества А. Платонова. М., 2012. 156 с.
19. Достоевский 2007 – Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М., 2007. 805 с.
20. Елисеев 2011 – Елисеев Н. Лишний человек на randevу с историей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2011/4/el9.html (дата обращения: 22.02.2017)
21. Зеленин 1937 – Зеленин Д. К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М., 2004. С. 145–175.
22. Зеленин 1991 – Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. 511 с.
23. Зеленин 2004 – Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1934–1954. М., 2004. 175 с.

24. Иваницкая 2001 – Иваницкая Е. Преступление и оправдание. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/druzhba/2001/7/tech_ivan.html (дата обращения: 23.02.2017).
25. Кассирер 2002 – Кассирер Э. Жертвоприношение. СПб., 2002. 242 с.
26. Колобродов 2011 – Колобродов А. Чародеи и ученики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/volga/2011/1/ko17.html> (дата обращения: 21.02.2017).
27. Кудрин 2014 – Кудрин О. Поэт эпохи поэтического журнализма, писатель эпохи фаст-фикшн. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2014/2/12k.html> (дата обращения: 21.02.2017).
28. Леви-Брюль 2002 – Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. СПб., 2002. 152 с.
29. Лимонов 2012 – Лимонов Э. Ваш Дима. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tv29.ru/index.php?bl60number=12558> (дата обращения: 28.06.2017).
30. Липовецкий, Эткинд 2008 – Липовецкий М., Эткинд А. Возвращение тритона: Советская катастрофа и постсоветский роман. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/94/li17.html> (дата обращения: 21.02.2017).
31. Лотман, Минц, Мелетинский – Лотман Ю. М., Минц З. Г., Мелетинский Е. М. Литература и мифы. М., 1980. 220-226 с.
32. Лотман 1992 – Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века. Таллин, 1992. 249 с.
33. Маркова 2012 – Маркова Д. Ценность смерти. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/3/m18.html> (дата обращения: 21.02.2017).

34. Маркова 2007 – Маркова Д. Величина постоянная. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/5/ma16.html> (дата обращения: 21.02.2017).
35. Мелетинский 1994 – Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М., 1994. 133 с.
36. Мещерякова, Шестёркина 2013 – Мещерякова О. А., Шестёркина Н. В. Вербализация ритуальных моделей мифосознания в поэтике рассказа И. А. Бунина «Жертва». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalizatsiya-ritualnyh-modeley-mifosoznaniya-v-poetike-rasskaza-i-bunina-zhertva> (дата обращения: 21.06.2017).
37. Мосс, Юбер 2000 – Мосс М., Юбер А. Очерк о природе и функции жертвоприношения. СПб., 2000. 190 с.
38. Пелевин 1992 – Пелевин В. О. Омон Ра. М., 1992. 192 с.
39. Пелевин 2006 – Пелевин В. О. Empire V. М., 2006. 416 с.
40. Пивоваров 2012 – Пивоваров А. Срок. № 876. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://echo.msk.ru/blog/srok/922450-echo/comments.html?=-last> (дата обращения: 27.06.2017).
41. Платонов 1987 – Платонов А. П. Котлован. М., 1987. 50-123 с.
42. Пригодич 2001 – Пригодич В. Оправдание системы, или Тайна советской власти // Литературный Интернет журнал «Русский переплет». Рец. на кн.: Быков Д. Оправдание. М., 2001. 1-10 с.
43. Прилепин 2015 – Прилепин З. Особое мнение. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1585954-echo/> (дата обращения: 24.05.2017).
44. Прилепин 2006 – Прилепин З. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zaharprilepin.ru/ru/litprocess/knizhnaya-polka/dmitrij-bikov-zhd.html> (дата обращения: 22.06.2017).
45. Токарев 1990 – Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990. 597 с.

46. Урицкий 2002 – Урицкий А. Четыре романа и еще один. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2002/1/ur.html> (дата обращения: 21.02.2017)
47. Формозов 1984 – Формозов А. А. Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла. М., 1984, № 4. 5 с.
48. Шаманадзе 1964 – Шаманадзе Н. Мотив замурованной жертвы. Тбилиси, 1964. 303 с.
49. Элиаде 1994 – Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. 290 с.
50. Эткинд 2016 – Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
51. Юнг 1991 – Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991. 330 с.

Приложение

Урок литературы в 11 классе

Тема: Мифологема «строительной жертвы» в романах
Д.Быкова «Оправдание» и «ЖД».

Тип урока: комбинированный.

Цели:

1. образовательная: знакомство учащихся с особенностями творчества Д.Быкова
2. развивающая: создание условий для проявления творческой активности учащихся; развитие познавательных, регулятивных и коммуникативных универсальных учебных действий учащихся
3. воспитательная: поддерживать интерес к изучению темы через групповую работу; воспитывать сотрудничество; способствовать развитию грамотной речи.

Задачи:

1. создать условия для самостоятельной и групповой работы учащихся с материалом по теме (учащиеся погружаются в материалы, добывают впечатления, творчески осмысливают прочитанное)
2. активизировать учащихся на творческий подход к теме
3. создать благоприятную атмосферу урока

Оборудование и средства обучения:

- медиапроектор,
- презентация по творчеству Д.Быкова,
- тексты произведений Д.Быкова «Оправдание» и «ЖД».

Ход урока

1. Вступительный этап:

Организационный момент (приветствие):

(на слайде эпиграф к уроку)

*Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...*

• Ребята, вы видите на слайде строчки из известного всем стихотворения, пожалуйста, скажите, как оно называется и кто автор? (ответы учеников)

• Вы, совершенно правы это Н. А. Некрасов стихотворение «ПОЭТ И ГРАЖДАНИН».

• Подумайте и скажите, почему я взяла для нашего урока именно этот отрывок из стихотворения? (ответы учеников)

Вы правы, ребята, запишите в свои тетради тему, которую вы видите на слайде – «Мифологема “строительной жертвы” в романах Д.Быкова “Оправдание” и “ЖД”».

Для начала нам нужно задать вопросы к нашей теме. (Вопросы учеников)

Предположительные вопросы:

1. *Что такое мифологема?*
2. *Что такое «строительная жертва»?*
3. *Кто такой Дмитрий Быков?*

• Ребята, для того чтобы наша работа велась активно и интересно, вы должныделиться на 2 равные группы. (Ученики рассаживаются)

Сейчас в своих группах вы должны определить, как вы понимаете понятие – *мифологема*.

(Ученикам даётся 3 минуты на обсуждение, кто-то из группы озвучивает и комментирует свои предположения. Далее на слайде появляется обозначение термина – мифологема.)

«Мифологема – самостоятельный авторский образ, построенный на системе традиционных культурологических и литературных парадигм, структура которых формируется на давних мифологических фундаментах»

Ю. Вишницкая

- Ребята, возможно, кто-то уже слышал про «строительную жертву»?

Если да, то расскажите, что вы об этом знаете. (Ответы учеников)

После прослушивания ответов учеников, учитель даёт свои комментарии:

У многих народов мира (в том числе у наших славян) в прошлом был распространён обычай принесения так называемой «строительной жертвы». При закладке строения требовалось принести жертву, в случае же постройки какого-либо крупного сооружения (крепости, моста и т. п.) эта жертва часто была человеческой. Бытование этого обычая подтверждается как фольклорными источниками и данными этнографии, так и археологическими раскопками. Во многих местах он (в разных формах) сохраняется и в настоящее время.

Видоизменения, характерные обряду «строительной жертвы» имеют общую тенденцию, вызванную переменами образа жизни и производственной деятельности этноса: на смену человеческим и животнототемным жертвоприношениям древнейшей эпохи приходят жертвоприношения в виде земледельческих культур (*ячмень, просо, пшеница* и т. д.); домашних животных (*бык, баран, птица*), продуктов животного (*молоко, яйца*) и растительного происхождения (*хлеб*).

В современное время, этот ритуал принял иную форму. После покупки квартиры или дома, первую запускают кошку (кота), тем самым неосознанно отдавая дань традиции.

- Теперь, остаётся разобраться кто такой Д.Быков?

(ответы учеников, на слайдах его фотографии и краткая запись о писателе)

Комментарии учителя - Дмитрий Быков родился в 1967 году в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ. Писатель, публицист, литературный критик, общественный деятель, поэт. В настоящее время является автором еженедельника «Собеседник». В 2001 году вышел его первый роман «Оправдание» в жанре альтернативной истории, где показаны абстрактные объяснения сталинских репрессий,

воплощенные в высказываниях героев. Главной отличительной особенностью прозы Быкова можно считать стремление автора к моделированию альтернативной реальности, что можно увидеть во многих его произведениях (прежде всего, в романах «Оправдание» (2001), «ЖД» (2006)). Д. Быков входит в число наиболее известных современных литераторов, принадлежа к тем немногим творческим личностям, которых массовая аудитория узнает «в лицо». Быков является автором 9 романов, нескольких биографий в серии ЖЗЛ, множества рассказов, стихотворений, публицистических и критических статей.

• **ВЫВОД.** (Обобщаются все ответы учениками)

Итак, теперь мы ответили на все поставленные вопросы, значит, можем переходить к нашей теме.

2. Этап художественного восприятия:

(ученикам заранее было дано задание - прочитать роман «Оправдание» и отрывки из поэмы «ЖД»)

• Выступление ученика, которому было дано заранее задание, подготовить сообщение на тему: время правления И. Сталина.

(Это позволит классу погрузиться в атмосферу 30-ых г., а также поможет актуализировать знания по произведению)

3. Анализ произведений:

Для начала мы рассмотрим роман «Оправдание» (2001), это первый роман Д. Быкова, поэтому для нас важно его изучить.

Нашумевший роман «Оправдание» удивительным образом соединяет постмодернистские стратегии построения текста (фэнтезийный тип повествования, игра в "другую историю") с традиционно – реалистическими, рассчитанными на «консервативного» читателя.

Исследователи отмечают в качестве одной из ключевых черт неклассической поэтики неомифологизм, проявляющийся, в частности, в актуализации в литературных текстах XX века различных культурологических универсалий. Одной из таких универсалий является мифологема «строительной жертвы».

Каждой группе даются разные отрывки для прочтения и по вопросу, на который они должны ответить, 1 группа – 2 глава, 2 группа – 5 глава (реконструкция 2).

1 группа

- Ребята, как вы думаете, почему называется роман «Оправдание»?

Докажите свою точку зрения цитатой из текста. (Ответы учеников)

Главный герой романа историк Рогов пытается найти оправдание сталинским репрессиям 1937–38 года на протяжении всего произведения.

Отсюда и следует название.

- Как вы понимаете эту цитату?

Единицы, а зачем ему остальные были нужны? Он так и решил для себя: остальных – не жалко. Если они все такие гнилые, с ними не то что светлого будущего, прочного настоящего не построишь. Вот и стал делить на сталь и шлак. Большинство – в лагеря: лучшего недостойны <...> [Быков 2001: 66].

2 группа

- Почему главный герой так «загорелся» идеей о целесообразности всех репрессий во времена правления И. Сталина?

Герой постоянно анализирует время 30-ых годов, постоянно пытается осмыслить прошлое, понять его для себя, найти оправдание жестоким репрессиям того времени. Рогову помогает осознать сталинское время его старый приятель Кретов, для главного героя он важное звено в его догадках, так как он единственный человек, который знает о том времени не понаслышке, поэтому все слова принимаются за истину. Рассказы имели влияние потому, что были услышаны Роговым с детства и воспринимались по его словам «первой отечественной историей». Это же обусловило выбор будущей профессии историка, и в дальнейшем Рогов начал активно искать подтверждения реальности «верховой проверке».

- Как вы понимаете эту цитату?

<...> они берут не для того, чтобы осудить. Они просто расставляют людей по местам, потому что только так можно проверить, кто к чему годен. Им кажется, что такой предельной проверкой можно правильно разделить общество. Молоку, верно, тоже несладко в сепараторе, а? Раньше был принцип: кто сколько сделает; потом пришли

суровые времена, и они придумали принцип: кто сколько выдержит. Тех, кто выдержит все, они используют, тех, кто ломается, – выбрасывают; правильнее всего поведут себя те, кто сразу откажется играть в эту игру и предоставит им наговаривать на себя что вздумается. Такие получают по пять или семь лет и вернутся [Быков 2001: 160].

•Теперь мы переходим ко 2 произведению.

Поэма (так называет сам автор) «ЖД» (2006) является наиболее важным произведением в творчестве Д.Быкова (по словам автора), так как идея написать произведение и выразить в нём свои взгляды на отечественную историю, зрела у писателя с давнего времени.

В этом произведении Д. Быков снова конструирует альтернативную реальность, теперь уже работая с отечественной историей на всём её протяжении.

(Комментарии учителя о четырёхтактовом характере отечественной истории, по мнению писателя)

Эта история определяется противодействием двух сил – варяг и хазаров. Варяги – это северяне, которые пытаются отвоевать свое право на территорию, вытесняя при этом хазаров (иначе – евреев). Ключевым занятием и тех, и других становится война, они стремятся «истребить внутреннего врага», для завоевания территории, не беря в расчет «рядовых солдат», некогда мирных людей, для которых эта война не имела смысла, на которую они шли по приказу. Эта мысль отчётливо эксплицируется с помощью характерной в данном контексте некрасовской реминисценции: «<...> дорогу к победе следовало мостить телами<...>» [Быков 2006: 170].

Группам даётся задание (объясните, как вы понимаете эти цитаты из произведения):

1 группа – Плоскорылов <...>обожал мёртвого солдата. Только мертвый солдат, установленный на площади в виде памятника, назидательно поминаемый во время молебствий, торжественно называемый Неизвестным, - был абсолютным воплощением норманнского духа, ибо утрачивал личность [Быков 2006: 56].

Жизнь есть мерзостное существование, которое должно быть преодолено. Ни секунды комфорта подлому телу с его низменными запросами, ни секунды напрасного лежания просто так! Солдат должен быть всегда занят, а всегда занят только мертвый солдат. Я поздравляю вас, рядовой Воронов, с тем, что завтра на рассвете вы станете идеальным солдатом! [Быков 2006: 143].

2 группа – Плоскорылов с детства любил варяжский воинский дух, офицерскую прямоту стана, презрение к работе, отношение к солдату как к неодушевленному предмету – ибо если видеть в нем одушевленный, перестает срабатывать норманнская концепция великой жатвы [Быков 2006: 34].

<...> Вы полагаете, ваша жалкая жизнь имеет какую-то ценность? Ценны вы будете, только когда умрете, рядовой Воронов! Цель каждого истинного воина есть смерть, она же начало истинной жизни, а сейчас вы еще никто, личинка! В мир смерти из вас вылетит прекрасная бабочка и полетит на ледяные цветы Валгаллы [Быков 2006: 91].

4. Итоги урока:

ВЫВОД (ученики формируют в своих группах).

(комментарии учителя)

В «Оправдании», и в «ЖД» Дмитрий Быков с разной степенью отчётливости использует мифологему «строительной жертвы» в качестве инструмента для рефлексии над отечественной историей – с той разницей, что в «Оправдании» речь идёт о Большом терроре, в а «ЖД» предметом историософских размышлений становится русская история на всём её протяжении.

5. Составление синквейна (1 строка–существительное, 2 строка – 2 прилагательных, 3 строка – 3 глагола, 4 строка – предложение, 5 строка – 1 слово).

6. Рефлексия:

Ребята, я благодарю всех вас за активную работу и прошу ответить на несколько вопросов.

• Запомнился ли вам сегодняшний урок? Что понравилось? Что не понравилось?

• Хотели бы вы прочитать еще какие-нибудь произведения Д.Быкова?

7. Домашнее задание:

Задание одно на выбор:

1 – написать эссе: «Как я понимаю мифологему “строительной жертвы” в произведениях Д.Быкова?»

2 – Составить тезисный план романа «Оправдание» Д.Быкова.